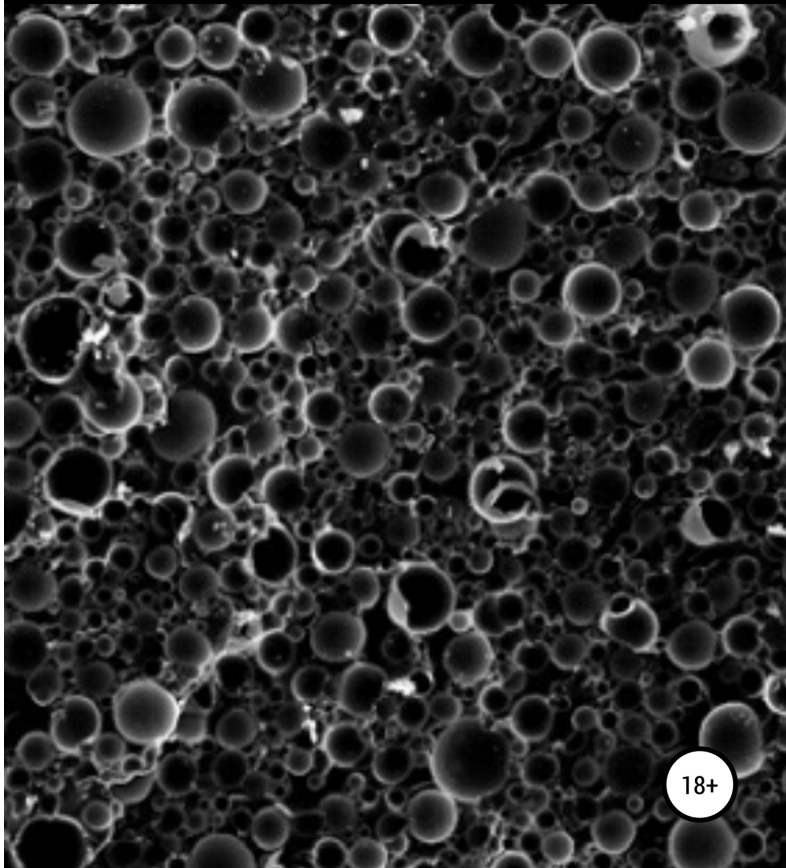

Ваня Кирпичиков

Некропена

18+

Ваня Кирпичиков

Некропена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49593150

SelfPub; 2020

Аннотация

Философские и мистические беседы о смысле жизни, о происхождении жизни, всего сущего. Тень одиночества, пессимизма, мизантропии. "Меня терзает счастливый вид некоторых людей, Вань. Им действительно радостно? Или...это восторженное опьянение от позора своего существования?".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	33
Глава 6	41

Глава 1

В одном из многочисленных поселений шахтеров жил и смотрел по сторонам на мир Борис Ефимкин. Обитание его в потоке времени было скудное – подъем, переезд на шахту, добыча угля, возвращение, еда, сон и далее по кругу. В выходные дни Боря валялся на диване-одре с бутылкой кровавого вина в обнимку и мечтал о чем-то светлом. Но виды ненавистной шахты настолько сковали фантазии Бори, что мечты о радостях жизни почему-то упирались в тусклые потолки и гнетущие стены его комнаты в шахтерском общежитии. Бесцельно блуждая в лабиринтах своих неведомых желаний, Борька заглатывал винцо в свое дряблое, измученное жизнью, тельце и старался думать. Каждый глоток дешевого пойла уносил его в какие-то философские дебри. Мыслишки не изобиловали многогранностью, но он тщательно хранил их, оберегая от пришельцев. Пытаясь размышлять об окружающем, натыкался на шлагбаумы логики и замирал в нелепом состоянии, близком к коматозному. Под вечер, обессилив от бессмысленных умозаключений и хорошо сдобренный алкогольными продуктами, засыпал под громкие рыдания или молитвы соседей.

Друзья к Борьке заглядывали тогда, когда он, уже измученный портвейном и тягостными раздумьями, мрачно

смотрел в их сторону остекленевшими глазами. Обращаясь к нему, они не получали никакого ответа и уходили восвояси, гонимые ненавистным взглядом Борьки. Вскоре Ефимкин лишился друзей. Их заменителем был божественный портвейн и думы обо всем сущем, коим в алкогольном бреде, он посвящал все свое свободное от черной шахты время.

Блаженное время для фантазий Борьки наступало во время его нахождения в шахтерском автобусе, на котором он ежедневно передвигался на шахту-конуру и обратно. Здесь, среди серой массы мужиков, угрюмо потупивших взоры, на Ефимкина находило вдохновение, и мысли текли как-то по-другому, чем в его комнатенке общаги.

Борька, обозревая застывшие монументы-саваны шахтеров, наполнялся философскими идеями. Смотря на каждого чернорабочего, Ефимкин представлял их внутренний мирочек. Пытался уловить их мысли, думы, события, произошедшие с ними, с их знакомыми. Он старался угадать их жизненные проблемки, их прошлое и надежды на какое-нибудь будущее. Весь этот жизненный объем-голограмму, крутившийся вокруг каждого из присутствующих в автобусе, Борис условно назвал пузырьком. В эту сферку входили интересики, желаньица, мечты и трагикомедии каждого индивидуума. Его прошлое, его знакомства, союзы с другими людьми, учеба в школе. Каждый был окружен своим личным пространством-пузырьком. Каждый существовал в своей оболочке-вакууме, отчуждаясь от других. Пузырек – это жизнь,

пребывание человечка.

Плотно располагаясь в авто, пузырьки шахтеров соприкасались друг с другом, образуя, по мнению Борьки, жизненную пену. Эта субстанция была однородна и каждый элемент пенки ничем не отличался от другого. Кажущаяся индивидуальность пузырька сглаживалась, событийные жизненные линии упрощались, усреднялись и уравнивались и поэтому пузырьки были одинаковы. Этакая пена заполняла пространство автобуса и мчалась в глубины земли, добывать-копать ненужный уголь. Кто-то выходил из транспорта, и тогда пенка становилась менее плотная. Когда же в авто набивался трудовой люд с блуждающим тяжелым взором, изнуренный своим бесцельным существованием, пена концентрировалась. Она перетекала в автобусе случайным способом. Человеческие пузырьки меняли точки соприкосновения, но общая масса была по-прежнему однообразна и безлика.

Не меняло ситуацию и присутствие в автобусе человека-пришельца из другого города. Он также представлял собой пузырь и вливался в общую массу пены, поглощаясь ей и растворяясь в ней, не оставляя надежды на зыбкую индивидуальность.

Весь род человеческий представлял собой пену.

Борька не отделял людей друг от друга, он мыслил их как единое целое некоего организма. Если кто-то умирал, то на месте пузырька на непродолжительное время образовывался вакуум, затем о человеке-пузырьке быстренько забывали, и

воздушная ткань-материя пены смыкалась, ничем не озабоченная и ничуть не расстроенная. Родственная связь пузырьков хоть и присутствовала, но была настолько слаба, что под могуществом пены рассыпалась, быстро разрывалась. Умершие растворялись в небытии, не оставляя следа. Существовала лишь незыблемая пена.

Борис, находясь в автобусе, представлял возможную гибель шахтеров в забое. Он понимал, что погибшие люди уже не зайдут в автобус и поэтому не будет их пузырьков. Но также знал, что пена стянет края других пузырьков в единое незыблемое полотно и мимолетная, мгновенная неоднородность, возникшая из-за отсутствующих, аннигилирует. Даже смерть-убыль большого количества людей никак не повлияет на пену. На больших пространствах она все равно останется однородной.

Память людей о соседствующих пропавших, погибших пузырьках коротка и быстро стирается. Она съедена и подвластна пене. Пенный организм не дает сцепиться накрепко пузырькам, рвет их временные соединения и союзы. Разрушается индивидуальность. Она противоречит самой идее пены. Это ее злейший враг. Пена борется с ней, превращая пузырьки-людей в бесчувственные клетки-атомы. Она непрерывна и жизнестойка. Любая индивидуальность и чувства пузырьков губительны для пенообразования.

Смысл существования пены заключается в ее наличии, в том, что она есть и все. Неоднородности в виде чувств

и стремлений, память и желания пузырьков противоречат пенной инженерии. Задача пены не дать угаснуть пенообразованию. Пузырьки должны плодить себе подобных. Каждая клетка-ячейка-пузырек должна быть одинакова. Тогда и только тогда пена будет жить.

Таков конструктор мира Борька таил в себе, каждый раз болтаясь в грязном шахтерском автобусе. В поездке он чувствовал себя уверенным и оптимистичным, спокойным и рассудительным. Эту философию он нежно хранил в себе.

В шахте он временно забывал про свою идею-образ мироустройства и предавался бесцельной долбежке горной породы, а в общаге – пьянству. Лишь изредка, лежа в грязной угольной воде в ванне и наблюдая за мутной пеной, он вспоминал о своем безумном мироукладе, придуманном в шахтерском катафалке. Водя рукой по пене и отделяя участки пены друг от друга, он воображал, как разделяет людей, отдаляет их друг от друга и, возможно, кого-то губит. Некоторые участки пены в ванне уже не соединялись друг с другом, а некоторые через какое-то время вновь смыкались – это напоминало Боре людские судьбы горемычные, мечущиеся в жизненном колесе в вечных поисках чего-то им неизвестного. Сохраняя массу-объем, пена кочевала по ванне случайным образом, меняя свою структуру, плотность во времени – это виделось Борьке, как повороты судьбы и жизненные передрыги людей. Манипулируя пеной, Ефимкин чувствовал себя хозяином, властелином людей-пузырьков. Он

подолгу лежал в пенной массе, размышляя о своей теории. Она казалась ему правдоподобной и действенной. Борька почти уверовал в нее. Ведь нравы и отношения между людьми на шахте соответствовали идее пены – бесчувственные тела-зомби, работающие на шахте, задавленные скудным бытом и невидящие вокруг себя всех, представляли собой однородную массу биологических структур, безынтeресную и равнодушную, по инерции размножавшуюся и поддерживающую таким образом популяцию людей-пузырьков.

Пенная теория овладела Борькой и не давала ему покоя. Он любовался ей, восторгался ее простотой, красотой. И желал с кем-нибудь поделиться. Раскрыть себя и свое видение. Он искал в мрачных телах шахтеров своего слушателя, но сознание ему подсказывало, что не в этом слое надо искать единомышленника. Он пуст и безжизнен.

Глава 2

Борька надеялся на внутренний голос, и он ему указал неожиданно на бомжа, который валялся возле церковного забора.

Это существо здесь обитало давно. Оно не просто тут располагалось – оно чего-то периодически кричало и декларировало. Бомж в пьяном угаре иногда вставал, держась за изгородь, и держа Библию, пропагандировал христианские заповеди, моля о прощении у прохожих, рыдая и одновременно ругаясь. Юродствовал. Или лукавил. На следующий день он мог топтать ногой священное писание и визжать о всевластии Корана. Потом мог бормотать о собственной придуманной религии. Даже теории Дарвина нашлось место в его пьяных выступлениях. Он метался возле забора, хватал то Библию, то Коран, то какую-то книгу с формулами и пытался указать прихожанам истину, не совсем понятную даже ему. Затем от алкогольной одури умолкал и падал в грязь, рассыпая возле себя книги-транспаранты. Забытье прекращалось, когда выветривалось спиртное, и бомж вставал и просил милостыню, не обращая внимания на свою библиотеку, порванную и грязную.

В таком состоянии Борька застал своего будущего слушателя. Ефимкин подошел к бомжу и пытался раскрыть рот,

чтобы вымолвить слова знакомства, но гнусное тело, потусторонне посмотрев на Борьку, заставило его замолчать, указав мутными глазами на место возле себя, где стояла какая-то коробка.

Эта картонка всегда находилась возле бомжа. Он зазывал прохожих к себе и пытался их чем-то озадачить относительно коробки. Произносил первые слова ребуса, но народец быстро убегал от бомженка, и вопросы висли в воздухе, не дождавшись своего слушателя.

Вот и теперь, завидев Борьку, падший без лишних джентльменских па начал словесную атаку по поводу коробки, положив в нее кусок грязи и закрыв плотно крышкой:

– Скажи мне, дорогой, есть ли в коробке грязь?

– Конечно, да, – уверенно и удивленно ответил Ефимкин.

– А докажи это, не открывая коробки! – не унимался бомж.

– Ну...ну...а куда же она денется?! Она там и все. – сопротивлялся Борька, уже краснея. – Вот сейчас открою, и она там будет.

– Когда откроешь – будет, а когда коробка закрыта, будет ли там грязь? – продолжал бомж.

– Ну...ну...это и так понятно, что будет – ей деваться просто некуда.

– Все так уверены, но никто не может доказать наличие грязи, не открывая коробки. Так и в жизни – все явное принимается за истину, а кто или что формирует явное? – ре-

зюмировал бомж.

С этими словами он умолк, вопросительно взглянув на Борьку. Ефимкин пытался что-то возразить, но вышло у него как-то неуверенно. Он потупил свой взор, и его мысли поплыли куда-то в бесформенную бесконечность, цепляясь за какие-то догмы существующего парадоксального мира. Задача поставила его в тупик, и, весь взволнованный от открывшейся какой-то истины, Борька улетел в неведомые нереальности, а, вернувшись, загадочно посмотрел на вопрошающего и ощутил его родственной душой и единомышленником.

Проигнорировав вопрос бомжа, Ефимкин достал из кармана бутылку пива и стаканы. Налив в емкость хмельного, протянул бомжу:

– Вот. На. Глотни.

Когда смердящий пил напиток, Борька ему стал вещать свою пенную теорию. При этом периодически показывал на пену в стакане и сравнивал ее с людской пеной своего миропромышления. “Ванька-идиот”, а именно так звали бомжика, внимательно слушал речи, заглатывая в свою материю-утробу пену-бытие.

После окончания лекции Борька проникновенно взглянул на Ваньку, чтобы усмотреть в его глазах понимание. Бомж, наполнившись энергией, произнес:

– Ну...так оно и есть... Все понятно... Вот только откуда пена взялась? Она всегда была или ее к нам Кто-то занес?

Она есть сейчас. То уменьшается, то увеличивается. Но откуда она взялась? – повторял философски Ванька и продолжал задавать вопросы, то ли самому себе, то ли Боре. – А может она никогда бы не появилась? Вообще никогда. Прошли миллионы лет – жизни – пены нет, еще прошли миллионы – опять нет и так далее. Я к твоему удивлению такие вопросы себе задавал и вот что надумал, лежа здесь, на паперти – пена случайно оказалась у нас. Ну, вот, к примеру, видишь, собака пробежала, и из нее вывалился кусок говна. Собака и не ведала, скорее всего, что от нее что-то отвалилось и осталось лежать где-то. Она могла сюда вообще не забежать. Никогда. Но случайно оказалась тут, какнула и, оставив кусок своей жизнедеятельности или нежизнедеятельности, растворилась в пространстве. Вот Кто-то также, подобно собаке, случайно и бессознательно оставил здесь рассадку пены-кала, и она начала увеличиваться в размере, достигнув сегодняшних объемов. Этот Кто-то и не знает, что он обронил часть своей материи, и что она стала называться громким словом “цивилизация” или пеной, как ты ее называешь. Этот точно не заботился о ее содержании. Об оставленном куске Ему ничего неизвестно. Но как оказалось, эта отвалившаяся часть живуча и поддерживает популяцию пузырьков твоей пены, Борис.

– А куда исчез Тот и откуда он здесь оказался? – включился в диалог Борька.

– Я так мыслю, что Тот мог здесь случайно родиться- появиться и мгновенно умереть-раствориться, оставив после

себя вот такую кашу в виде пенки. Ненадолго был тут. Скоротечно образовавшись, неизвестный субъект ментально самоуничтожился-умер. Я думаю, что Он ни к какому виду, типу и роду живых существ не принадлежал – так...какое-то неотожествленное новообразование непонятное никому. Никому – значит и самому себе также. Он себя никак не понимал и не ощущал себя. Мгновенное зарождение и быстрая смерть некой субстанции. Пойми, во вселенной вероятность любого процесса ненулевая. Время или что-то его напоминающее вечно и поэтому в пространстве-вселенной все возможно – все тобой представляемое и не только представляемое. Все. Вот и здесь что-то появилось, и что-то пропало, отшвырнув от себя пену с составляющими ее пузырями. Боря, я предполагаю, что вокруг нас есть что-то, что мы не видим, не слышим, не представляем. Оно есть, так как время вечно, а в вечности все возможно и не только явное для нас. Есть невидимое глазу и невоспринимаемое ушами. Вот ты помнишь, я тебя спрашивал по поводу грязи в коробке?

– Да, – очнулся Ефимкин, – помню.

– Грязь в коробке, – продолжал божь, – могла просто исчезнуть по причине того, что всякое событие возможно. Грязь есть, а в коробке она могла исчезнуть. Случайно. И не только в коробке. Лежа на руке, могла пропасть. Я тебе, Борька, могу сказать также, что ты вот сейчас здесь стоишь и слушаешь меня, но можешь внезапно исчезнуть только по-

тому, что всякий случай имеет место быть. Ведь время вечно, а значит, все возможно. Вероятность любого действия не нулевая.

– Скажи, Ванька, а откуда у оставленных пузырьков пены появились какие-то мозги. Это как?

– Это тоже все случайно. Я больше скажу – движение и развитие – это, на мой взгляд, отклонение от нормы. Я так думаю, что прогресс – недолгий процесс. В неудобной форме пена находится. Скоро все придет в соответствие. Жизнь будет, но на уровне животного мира или травки. Но...случай может снова произойти и тогда разум опять появится и потом, возможно, снова пропадет. Кстати, так может быть вечно, если пена не исчезнет. Случайно.

– А что нам делать? – испуганно спросил Ефимкин, – что?

– Наблюдать и жить в своем пузырьке, ощущая свою мимолетность. Не думать о высоких материях. Просто пить, например, водку или пиво.

– А развиваться, учиться, к чему-то стремиться надо?

– Не стоит. Мне кажется, это противоречит общей задумке пены. Разум губительно действует на общую структуру пены. Он – отклонение, исключение, случай. Отрицательно воздействует на жизнеспособность пены. Так глядишь, и остановит пенообразование.

– Вань, а теперь поясни мне самый главный вопрос – откуда все появилось? Ну...вся вселенная. Почему все возникает случайно, кто установил так? – пролепетал Борька, допив

пиво из бутылки, – кто начальник всего? Бог главенствует повсюду?

– Ну, бог – это такое же слово, как стакан, например. Просто слово, не имеющее отношение к замыслу вселенной. Я, Борь, так скажу. Глобально. Я тебе тут много наговорил разного, но пойми самое главное – я пользуюсь разумом, а он ...просто разум, который случайно появился, может исчезнуть, и вообще не свойственен вселенной, наверное... Я так думаю. Что на самом деле кругом – когда-то прояснится. Случайным образом. Кому-то. Мимолетно. А может и нет...

Тут Ванька остановился. Несколько подумал и сказал:

– Я, Борь, противоречиво говорю. Путаюсь... В поисках, так сказать, нахожусь. Сущего, Истины... Понимаешь? Иногда думаю – а может мой разум не есть инструмент для поиска причины всего существующего? Может он и не дан для этих целей? Может то, что я тебе наговорил просто слова и все? Мысли мои, работа моего разума. Может разум создан только для поиска пропитания и других забав? И не сформирован для более серьезных задач... А есть ли что-то, с помощью чего можно познать Истину? Может она не познаваема в принципе?... Никогда... Истина – глобальна. Что ей до нас?

– Вань, так получается, что мы друг другу наговорили – это все наши фантазии? Разум не способен постичь высшие материи?

– Я думаю, что это так. Все, что создано пеной-человечеством – это живопись на холсте. Красивая. Нравящаяся

большинству. Науки и теории – это пригодные формы для описания окружающего, разработанные человечеством. Сделанные под себя и иногда хорошо действующие. А когда задаются серьезные вопросы – кто мы? что вокруг? для чего все сущее? где начало и конец? – тут и конец всем наукам, тормоз.

Уже темнело, друзья захмелели. Ванька пускал слюни сладострастия. Ему нравился философский разговор. Он не прекращал задавать вопросы себе, Боре, Тому и Сяму. Но вскоре его речь стала сбивчива и, в конце концов, откровенно бредова. Уставши от работы мозговых извилин или их подобий, он упал на колени Борьки и захрапел. Утомился и Борька. Он находился в глубокой задумчивости от беседы. Тема пены уже была ему неинтересна, второстепенна. Она казалось ничтожной по сравнению с монументальностью проблем, озвученных бомжем Ванькой. Ефимкин погряз в грязевом фонтане своих мыслей и тоже уснул возле Ваньки.

Во сне они что-то бормотали неразборчивое. Ванька иногда всхлипывал, чуть ли не рыдал. Но под утро уже крепко уснули, не оставив на лице бывшего мятежа диалога.

С рассветом Борька, не попрощавшись, тихо ушел, обустроив в голове ячейки для будущей беседы с новым знакомым Ванькой. Ефимкин спотыкался, гонимый неразрешенными проблемами бытия. Его тиранила мысль о бесполезности человеческого разума для познания мира. Его тяготила

вечная неизвестность. В разговоре с Ванькой он проследил главную идею – окружающее немислимо, достоверности никогда не будет, Истина недосягаема. Смысл предметов, вселенной непонятен.

С тяжелой головой он пошел на работу, в шахту. Работать не смог, а ушел в темный забойный тупик, где, выкопав ямку, залег в нее, как в келью, впав в полусонное состояние. В его голове крутились обрывки фраз Ваньки, какие-то цитаты из религиозных книг, научных работ, формулы... Темнота шахты еще больше усугубляла ситуацию. Вечная тьма – так представлялась жизнь Борису. О ней ничего доподлинно неизвестно, все зыбко, мимолетно, случайно. Вдобавок присутствует постоянное соседство смерти. Ухватиться не за что. Никто ничего объяснить не может. Существуют какие-то законы физики, которые что-то пытаются как-то увязать в логические формы, но, доходя до первопричины всего сущего, разлагаются и тухнут.

Очнувшись от окриков шахтеров, Ефимкин в беспмятстве поднялся на поверхность, сел в пенный автобус и вскоре опять лежал у себя в ванне, раздвигая пену дрожащими руками. Он брал воду в руки, смотрел на нее, пытаясь уловить какой-то смысл в ней. Он надеялся на какое-то озарение, на видение невидимого. Потом лил ее на себя, глотал, пытаясь проникнуть в сущность материи. Борис смотрел по сторонам и старался увидеть нечто немислимое им. Колебания мыслей привели к тому, что Борька решил незамедлительно идти к

Ваньке, дабы прояснить дальнейшую ситуацию и, возможно, сделать хоть какой-то оптимистичный вывод относительно всего.

Придя к оградке церквушки, Борис не увидел в привычном насиженном месте своего собеседника Ваньку. Бомж исчез. Он всегда здесь лежал на грязной лежке, возле входа в церковный двор, но теперь вдруг пропал. Ответов от местных бабушек на вопрос – где же бомж? – не было.

Борька сразу вспомнил разговоры товарища о случайности, а также о том, что в мире, возможно, любое событие. Поэтому факт пропажи Ваньки, разложившийся мозг Бориса связал с утверждением бомжа о ненулевой вероятности любого действия. Становилось печально – Ефимкин потерял своего духоборца. Идти в непознанное одному было тяжело и неуютно, а ведь Ванька был рулевой.

Стоя обреченно возле ограды, Ефимкин внезапно подумал: "А может я не увидел Ваньку просто потому, что случай был таков, что мои глаза его не увидели – вероятность же этого не ноль". Борька резко повернулся в направлении того места, где должна располагаться теломатерия бомжа, но, увы, товарища там не было. "Значит, еще требуемое мной событие не наступило" – решил он и продолжал размышлять: – Но... как же мала вероятность этих событий! Ведь такое возможно раз в триллионы... триллионы ... лет, а тут раз – и случилось. Как так? Почему это случилось сегодня? Не может быть..."

Запутавшись в себе, в своих дремучих умозаключениях Борис вращался, как спутник, возле предполагаемого места бомжа в надежде на случай, но Ванька не появлялся. “Появится, когда уж жизнь вселенной подойдет к концу” – подумал Ефимкин. – “Или мои глаза его увидят или...не увидят”. Окончательно потерявшись и тупо глядя по сторонам, Борька проследовал в ближайшую пивную, где благополучно обнаружил уже полупьяного Ваньку :

– Я, Вань, тебя уж потерял и от сего факта чуть не захлебнулся в философском омуте, – радостно прожурчал Боря, – я как в дурман-колодце очутился с твоими ненулевыми вероятностями, Вань. Я думал, ты исчез – событие такое наступило, а ты тут, хлебаешь пиво.

– Не думай о таких вещах. Уйдешь в бездну логическую. Толку не будет, – ответил уже качающийся во хмелю бомж, – на вот, глотни.

– Не-а... Скажи лучше, где Истина? Где? Как жить-то без ничего, без пути, без опоры? Что кругом? Кто мы? Все бессмысленно и ...страшно. Чернота в душе, Вань... как найти ориентир, знание? Что так и будем жить взаперти, в будке, на цепи, под колпаком, в клетке? Я-то вроде мыслю! Не уж-то я ничтожество, тлен тленный, живущий в темной пещере? – набросился жадно на Ваньку Борис. – Родиться, протащиться по натопанной колее и уйти в прах – это что ли все? Так не может быть! Не уж-то все так гадко, погано? Я же, вроде, человек, Вань, я думаю, смотрю. А тут бац – сплошное неве-

дение. Это как?

– Борь... в нашем мире любое утверждение ничего не значит, не доказуемо, и вообще, слово “доказательство” не имеет никакого смысла. Что-либо судить о чем-то бесполезно. Суждение не имеет смысла. Смысл не имеет смысла, Борька... извини за косноязычие. Так вот оно устроено. В нынешней науке все вроде умело соткано в какие-то законы, но это мнимое построение зыбкой основы. Мыльный пузырь... атомы, электроны... какие-то кварки... Чушь! Хотя с первого наскока кажется вершиной человеческой мысли. Жаль их. В корень надо смотреть, Борь, в корень, а не по верхам прыгать. А тут-то все непонятно. Никто ничего не знает – вот это я точно знаю, Борь, никто. Опереться не на что. Куда ни ткни – одно незнание.

– Ваня, а что ж делать-то? Так и жить в темноте?

– Да... Неведение вечно. Нам не дано. Хотя... это утверждение мое тоже неверно... Погибнешь, Борь, в собственной тюрьме под пытками, если будешь себя терзать подобными вопросами... Так и будешь тыкаться в пустоту... Лучше развейся, – с этими словами Ванька налил в стакан водки и протянул своему товарищу.

Выпив стакан мудрого напитка, Ефимкин расцвел :

– А может что-то случится и все станет ясным? Все.

– Боря... Боря... ты не понял... повторяю тебе... все это твои желания... основы нет... суждения бессмысленны.

Обессилив от удушающей водицы, приятели покинули

пивную – Ванька – спокойным и уравновешенным, а Боря – разбитым и потерянным. Шатаясь, Борька напоследок спросил:

– А может во что-то просто уверовать? Ну, в бога, например, какого-нибудь. Так вроде легче будет.

– Так многие делают. Так спокойнее. – устало брякнул собеседник, – упрутся в дурь божественную и плывут по течению. Ты вот не с ними – вот и в истерике. Остынь, милоч.

– А ты, Вань, не с ними?

– Нет...я с водкой, – рассмеялся бомж, – она мой смысл. Или вера...или водка. Я последнюю выбрал. С ней родимой спокойней будет, чем в толпе зомбированной.

– Так помрешь же от нее, Вань. Погубит она.

– Умру для вас, а сам может и не умру...неизвестно. Неизвестность хранит меня. Всеобщая недоказуемость. Кто-то знает, что там, после смерти? Нет. Даже, если кто-то оттуда вернется и расскажет любопытные истории – я не поверю. Борь, нет ничего такого, что можно принять за Истину. Горькая правда...

– И что? Мне в хмелю раствориться? Опуститься, как ты?

– Мы все опущенные и оскорбленные, Борь. Ты в своей шахте копаешь уголь. Зачем? Ты что родился, чтобы уголь копать? Тебе не смешно? Вышел из мамки с ручками и ножками, вырос и копать уголь? На себя посмотри. Тебе разве неинтересно кто ты и зачем? Посмотри на руки. Они тебе зачем? Уголь копать? Разберись с основой бытия – вот глав-

ное. Может тогда и уголь не надо будет копать, Борис. Предназначение какое твое? Ответов нет и не будет, но уж точно не уголь копать всю жизнь.

– А водку пить и валяться в грязи на паперти – это каково?

– Я даже в таком состоянии не выделяюсь, Борь, от общей массы пены. Что пьянь вонючая, что благообразный – все едино – никчемная пена из пустых пузырьков. Что я, что вокруг меня окружающие людишки – все это бесцельные пузырьки без смысла.

На этом друзья-товарищи разошлись – Ванька-бомж – на свою лежанку возле церкви, а Борька-шахтер – в свою уютную квартирку-могилку.

Глава 3

Дома, на своей тахте Ефимкин стал рассуждать обо всем под воздействием бесед с Ванькой. Его мысли полетели прочь. Далеко в бездну. Они возвратились. После чего, он стал смотреть на свои руки. Они казались ему бесполезными, ненужными. Наблюдая за ними, он не понимал их назначение. Боря крутил ими, выставлял к лампочке светильника, трогал, щипал. Это ему казалось важным. Хотел выяснить предназначение, но, не найдя ответов, обратил свое внимание к ногам, а затем к голове. Вопросы к самому себе не прекращались. Смысл элементов своего тела был неизвестен для него. Боря стал пить воду – и тут возникли вопросы – зачем, куда она льется, почему отверстие в голове? Не найдя ничего разумного, стал смотреть на стены и потолок – они ему казались лишними, беспричинными. Крутя головой и обозревая обступающее его пространство, Борька пришел к выводу, что все бессмысленно. И тахта, и тарелки, и стулья в комнате являлись для него абсурдными. Отсутствовала смысловая нагрузка. “Что есть необходимым? Для чего все?” – терзал себя вопросами Борис.

В шахте Ефимкин успокоился – ему спокойно было под землей. Не мешали даже шахтерские движения, гул, рокот. Он залег в далеком забое в свою любимую канавку, ранее

вырытую, и не думал ни о чем. Ему удавалось это. На поверхности было тяжело – одолевали и мучили собственные вопросы ко всему.

Борька с неохотой поднимался на поверхность. Ему противно было лицезреть людишек. Пену. Биомассу. Он стремился быстрее домой, чтобы налить себе стакан водки или портвейна и впасть до утра в алкокому, а наутро сбежать от мерзкого света в черную дыру шахты, где забыться опять на время.

Такой режим кое-как спасал Борьку от неразрешенных вопросов бытия. Он жил ровно – шахта, дом, портвейн... Вопросы о назначении всего сущего стали исчезать и теперь на руки он смотрел осмысленно, а на рот обращал внимание каждое утро с любовью и нежностью. Любовался перед зеркалом им. Вечерами, в полупьяном бреду, он даже сочинял оды своему любимому отверстию в голове. Теперь он знал четко, что рот нужен для того, чтобы туда лить и лить красный некропортвейн, уже осмысленными руками беря стакан и опрокидывая в глотку виноградный алкосок. Стены и потолок комнаты-погребка тоже пришли в соответствие с Борькой – они закрывали его от противного мира пены. Все потихоньку обретало смысл. Колея была накатанная – шахта, портвейн, шахта, портвейн. Потусторонних мыслей не возникало, да и Ванька куда-то пропал с паперти – не теребил сознание Ефимкина.

Боря становился пузырьком. Пены. Некропены. Это было

странно. Он всей душой ненавидел пену, но постепенно стал понимать, что его сближение с пузырями стало очевидно.

Ефимкин вспомнил слова бомжа о существовании, которое появилось на миг и исчезло, оставив после себя кусок. Пены. Продолжая размышлять о данном, Борька сообразил, что если оно-сие пропало-умерло, то пена – это некротическое вещество, то бишь некропена. “Но почему пена еще жива? Почему не разложилась это трупная ткань, остаток некой непознанной никем материи? Почему она еще и расширяется, плодя пузырьки?” – задавал себе вопросы Борька.

И опять на память пришли слова Ваньки о случайности, великой и основополагающей. Развитие пены и увеличение народонаселения-пузырьков – это флуктуация, случайный процесс. Сегодня пена прогрессирует, а завтра деградирует. Зыбко все. Одно спасало от жуткой никчемности бытия – утверждение бомжа о том, что рассудок – не способ познания бытия. Любые умозаключения эфемерны – так говорил Ванька-Заратустра.

С мыслями-немыслями о некропене Ефимкин решил обратиться к своему гуру-бомжу. Он должен как-то прояснить ситуацию и куда-то отправить поток размышлений Борьки. Купив пару бутылок красного алкогольного огня, Ефимкин прибыл к знатоку мироустройства к церкви. Слету влил в Ваньку портвейн, а за ним развитую теорию пены-некропены:

– Вань, я понимаю, что нельзя ни о чем судить – исти-

ны нет, она недосыгаема и неподвластна. Моя теория и твои мысли – также просто слова. Что ж тогда делать? Уж очень мрачно все выходит. Пена живет, хоть и бездушно. Смысл жизни неясен. Все тупо. Куда идти? Неужто мы куски мертвой ткани? Мы хуже дерьма, Вань? Где-то в Глобале мы даже не клетка, а просто несгнившая падаль?

– Борис, ты опять за свое? Я тебе уже говорил, что нет Истины для нас. Нет. И мы никто. Хотя...опять-таки ж...это пустой разговор, так как наши мысли никчемны...мертвы. Нам не за что зацепиться.

– Вань, скажи, а может быть такое, что великая Истина как-то проявит себя здесь, в некропене? ..подаст какие-то сигналы?.. может быть появится что-то непонятное нашему разуму? Или для нас, дерьма, это недостойно?

– Борь, неведома она для нас, неведома.

– Вань...а...может поискать среди мертвой плоти ответы? Трупы людей – это некропена, оставшаяся от нас, а мы, пузырьки – это некропена, оставшаяся от Того, ушедшего в небытие, мимолетно появившегося у нас. Вань, а может у трупов людей-пены есть своя некропена, а Тот – тоже в свою очередь некропена Кого-то?

– Борь...ты хочешь сказать, что у каждого есть своя некропена? И у трупов тоже? Как от трупов может что-то остаться – они ведь трупы, конечный, так сказать, продукт?

– Как?...Ну мы же остались от Того, вот и следуя логике, от нас остались трупы, а от трупов что-то тоже должно остаться.

Мы это не видим просто. Недоступно. Я, Вань, думаю, что существует бесконечная цепочка из некропены. Ну, например, такая – Тот (некропена Кого-то), Мы (некропена Того), Наши трупы (некропена нас), Что-то оставшееся от трупов (некропена трупов) и так далее... до бесконечности и в разные стороны – в сторону некропены трупов и в противоположную – некропены Кого-то. Найдя связующее звено между ними, мы приблизимся к Истине, Вань. Я уверен в этом. Узнать бы кто был прародителем всех некропен. Кто Этот, который запустил череду из некропен?

– Бог, – почти утвердительно ответил Ванька и, подумавши, продолжил, – ой, я ерунду сказал. Для этого товарища слишком кишка тонка – такое закрутить. Тут пахивает Глобалом. Борь, по твоему размышлению получается, что кругом одна мертвая материя, включая нас. Однако, мы же, вроде как, живем... Ой... извини, это же случайный процесс, временное явление... скоро все свернется, помрет, потухнет. Кстати, про Того – мне более-менее понятно, про Кого-то – возможно тоже. Они как бы жили некоторое время, хотя неизвестно, кто таковы. Про нас понятно. Но вот не совсем я сообразил про трупов – от них, где некропена? Как она может быть от трупов?

– Я думаю, что некропена трупов – это трава, мох, кусты, деревья и другая растительность, окружающая нас. Их некропена – горы, земля. Но вот не знаю, где некропена земли. Мне недоступно. Также непонятно, кто таковые Тот и его

Предшественник. Я предполагаю, что узнав это, можно приблизиться к Истине, узнать миропорядок.

– Вань, все это хорошо, но это все при условии, что наш рассудок – инструмент для познания, правильно?

– Да... иначе никак. Будем надеяться, что все-таки в голове, что-то дано для осмысливания сущего.

– Послушай, Ванек, надо провести мозговую атаку. Ты подумай, кто таков Тот и его Предшественник, а я уж буду бороться с вопросами о некропене земли.

Друзья разобрались с вином и расстались – Борис убыл в свое корытную дыру, а Ванька почтенно разложил свои ноги и руки на паперти.

Глава 4

Придя домой, Ефимкин заглянул в зеркало – ему показалось, что это ему необходимо для какого-то ритуала. Он поймал себя на мысли, что он труп, некроткань Того. Как и прежде, стал себя трогать в надежде на то, что оторвет от себя кусок гнилья. Но плоть была жива. Это не убедило его. Упорно смотря в зеркало, он до слез пытался выявить в отражении следы своего праха. Но ничего в зеркале не происходило – там по-прежнему был Борис, хоть и замученный неопределенностью бытия-некры. Отчаявшись, Ефимкин стал кидать пустые бутылки из-под вина в зеркало, моля Того или его Предшественника показать его натуральную истинную сущность-некро. Затея ни к чему не привела – только разбитое зеркало и гора стекла заняли объем комнаты Ефимкина. Отчаявшись, упал на пол и забился в истерике, моля всех о том, чтобы приблизиться к Истине. Навзрыд прося о помощи, выкрикивал все те же вопросы: “Кто я? Что кругом? Зачем все здесь?” Затем резко умолк. Борис переключился на другое направление – поиск некропены земли, как было условлено в разговоре с Ванькой.

На следующий день, прибыв в родной забой, Ефимкин по старой памяти лег в свою угольную колыбельку и стал упорно терзать себя мыслями о том, где есть некропена земли,

гор. Жуя куски угля, он думал, что это действие будет способствовать раскрытию тайны. “Где твоя некропена? Где?” – обращался Борька к черным уголькам. Логические ходы были непредсказуемы. Ефимкин стремился любыми способами найти хоть какую-то маленькую надежду в поиске некропены, но... безрезультатно.

В голове крутились и рылись трупы, блуждали Тот и Предшественник. Они бегали друг за другом и, рыдая, спрашивали: “Кто мы и что дальше?” От этих мыслей Ефимкину стало дурно, и он поднялся наверх.

Уже в ванне, дома, в грязной воде, Борис опять разглядывал себя. Трогая свое лицо, он пытался ощутить холод некры. Через некоторое время Ефимкин задал себе вопросы и испугался их: “Зачем я нахожусь в ванне? Для чего я в этой квартире?” Встав, он бродил бесцельно по комнате, озвучивая подобные проблемы. Но, одурев от бесполезности пространства и самого себя в нем, выпил бутылку водки и провалился в смысловую пропасть. “Так-то легче” – кто-то ответил за Борьку.

Наутро, натянув на себя нательное белье, он поразился его свежестью. “Зачем некропене, трупной ткани одежды?” – подумал пузырек Ефимкин и сбросил бесполезную материю. Уже голый, сел на пол и стал ждать, что в комнате кто-то или что-то появится и как-то намекнет о путях разрешения задач. Ефимкин нюхал, слушал пространство, наблюдал за ним. Смотрел наверх, по сторонам. Боялся что-то упустить

из виду, не увидеть какой-либо знак, дающий шанс, надежду. Шорохи и звуки воспринимал, как потусторонние сигналы, как руководство к размышлению. Но ничего не происходило – пространственно-временной континуум не блистал событиями. Борис вскочил и начал крутиться вокруг себя, боясь упустить возможные намеки. Хватал воздух, пытался его засунуть себе в рот, в нос – он думал, что это как-то приблизит его к пониманию всего сущего, к Истине. Закрыв глаза, пустился изучать внутренние темные углы своего я, но, уморившись, плюхнулся навзничь и зарыдал от безысходности. Истина никак себя не проявила, или Ефимкин это не почувствовал. “Я ничтожество, гниль, бесцельная мертвая клетка, пустота. Зачем я? Какой толк от меня? Смысл моего пребывания в этом мире-некропене? Мне не дано постичь суть вещей! Истоки всего мне неизвестны. Где суть? Где?” – верещал Борька, грызя зубами пол.

Глава 5

Остыв от нежитей-мыслей, Ефимкин бросил свою комнату и решил снова идти к Ваньке. На шахту решил больше не ходить – бесцельно все. Про деньги не думал.

Увидев товарища, сразу озвучил свою позицию:

– Вань, я добро к тебе? Мне с тобой спокойнее как-то, мягче жить-соседствовать. Хочу с тобой разобрать нашу ситуацию по поводу некропены. Ты не забыл?

– Нет, конечно. Как я могу забыть то, что гложет меня ежеминутно. Ты думаешь, я сильно озабочен своим существованием здесь, возле церкви, с протянутой рукой? Нисколько. Я, Борь, озадачен своим существованием вообще, в принципе, как и ты. Я не понимаю окружающих, которые заботятся о своем пропитании, о развлечении, о псевдоразвитии, но не видят корня всего, не думают, откуда они, зачем кругом земля, вселенная, да просто воздух. Жаль мне их, несчастных.

– Я с тобой солидарен. Жить в пространстве и не понимать, что оно есть – это удел нищих. Чему-то учатся, чего-то добиваются, но не зреют, слепцы, вглубь. Срезают верхи, а истоки не видят и не пытаются найти. Плоские существа, некропена, одним словом. Живут, женятся, рожают детей, даже делают жалкие попытки постичь сущее, но затем забиваются в скроенный тепленький кокон и тлеют там, ожидая

конца, порочные животные.

– Борь, скажи, а ты мыслил по поводу некропены земли и гор? Где она? Тебе что-нибудь удалось? Я в своем направлении – Того и его Предшественника заблудился. Не дано. Мучился, но закрыто это для меня. У тебя как дела?

– Ванек, никак. Видимо, разум наш не пускает в эти сферы. Может надо выйти за пределы нашего рассудка в другие пространства. Но как? Неужели все так плохо и мы умрем, не познавши суть вселенной? На кой мне тогда все окружающее? Жутко жить с мыслью, что не достигнем Истины. Неужели все мыслимое нами эфемерно, суетно, безосновательно? Я в ужасе. Не верю в это. Раз уж мы есть, значит, для чего-то нужны, иначе нас не было. Смысл для нас какой-то ведь приготовлен? Или так... дерьмо мы и гниль, некропена, материя праха. Истина глобальна, значит, мы для чего-то существуем, не просто ведь номер отбиваем, Вань. Я предлагаю, чтобы двигаться далее, принять условие, что наш рассудок все же механизм для познания, ну хоть частицы Истины, Вань. Согласен?

– Скорее, да. Но что нужно, чтобы выйти за рамки разума?

– Я думаю, что для начала надо избавиться от жизненной суеты и спрятаться от людей-пузырьков – они разлагают все своим бесцельным мимолетным пребыванием в линии времени и тягостно влияют на нас. Предлагаю уйти из мира. Давай выкопаем глубокую землянку в лесу. Там мысль чиста и не тревожна. Пузырьки исчезнут из вида и не будут нас бу-

доражить.

– Борь, будем надеяться.

С этими словами и со скудным скарбом друзья покинули мир некропены и двинулись в лес, подальше от пузырей. Здесь была вырыта землянка-могилка, куда Борис и Ванька забились, как мыши, в поиске возможных откровений.

Спрятавшись в нору, господа-отшельники начали ждать чудесных посланий из потустороннего мира Истины. Здесь, в окружении сырой земли – некропены трупов, братья по разуму – пузырьки некропены Того расположились и мечтали о чудодейственном пришествии к ним особенных мыслей о структуре сущего и о смысле всего окружающего. Чуть дыша, настроившись на волны некробытия, Борька и Ванька пытались декодировать волны вселенной и переиначить их на свой лад с целью выявить что-то истинно подобное. Но кроме запаха сырой земли и кромешной тьмы ничего им не открывалось. Холод и сырость – вот, что они ощущали. Откровений не было. Первым заговорил Ванька, окончательно озябнув:

– Борь, надо изменить условия. Это не помогает. Ничто не происходит. И вообще... я не уверен, что наши органы обоняния, осязания что-то воспримут из мира Истины. Надо от решиться от внешних раздражителей... послушай, а кто-нибудь из людей постиг хоть чуточку, хоть элементик Истины? Был ли такой пузырек, которому все открылось?

– Ну... я думаю, что кто-то понял. Случайно. Ведь все в

мире возможно, как ты говорил, Вань.

– Прикоснулся к истокам...и помер. Увидел, видимо, непонимаемое и от безрассудства увиденного моментально умер. От ужаса открывшейся Истины. Я даже не представляю, что ему открылось. Жуткая жуть или адовый ад, а может вечное блаженство, от которого все вспыхнуло внутри. Какой-нибудь рай пропитал его так счастьем, что тело не выдержало напора положительных эмоций и просто погибло от обилия наслаждений.

Тут Ефимкин на секунду замолчал и выдал Ваньке вдруг следующее :

– А может ему открылась пена? Вань, не некропена, а именно пена. Живая. Может таковая имеется, и она главный продукт вселенной. Мы ее не видим и не ощущаем, но она есть. Бьющая энергией. Потрясающая своей мощью пена. Она противоположна некропене. Возможно, она где-то рядом. Она дитя Истины. Но не мы – некропена, убогий мусор, шлак и отходы производства.

– Борис, даже, если это и так, то кто тогда создал эту пену? Пусть основополагающую, изначально обласканную и обильно вскормленную. Скорее пена – это любимый продукт Истины. А вот мы, некропена – изгой, бессмыслица, позор Истины, ее ошибка, заблуждение или случайный ужас, хотя...Борь, мы не можем возникнуть случайно, так как это невозможно для Истины, для нее нет такого понятия, как случайность. Она глобальна. И случай – это признак слабо-

сти. Но Истина идеальна. Ее творение тоже должно быть идеально и оно – пена, жизнь, невидимое нами движение, может быть специально спрятанное от нас.

– Вань, ну как так? Истина идеальна и вдруг появление некропены? Просчет Истины? Болезнетворная бактерия на святом пространстве Истины? Не верю, чтобы подобная зараза в виде некропены существует, даже мимолетно. А вот интересно – пена знает о существовании некропены? Или Истина скрывает ублюдка-некропену от святого семейства? Все же мне непонятно наше рождение, появление некропены. Я запутался... А может случайности возможны только в мире некропены, а в мире пены такого не бывает? Наше говно кинуту Истиной, брошено на самотек – вот здесь и происходит, что попало. А у них там, в верхах все по правильному. Никто за нами не приглядывает – вот и царит здесь ужас, а там все идеально – под контролем.

– ...Истина ошиблась? Такого не может быть!..И...может за нами кто и присматривает...так..краем глаза, например. Я, Борь, с тобой согласен – Истине не дано ошибаться. Если и появилось подобное паскудство в виде нас – пузырьков некропены, то это имеет смысл. Ну, может не глубокий и не всеобъемлющий, но смысл. Ты помнишь мы хотели познать некропену земли и некропену Того и Предшественника? Я уверен, что все это единое полотно некропены, без делений и видов. И мы, и трупы, и земля с травой, и Тот, от которого мы появились, и его Предшественник и все разно-

образии окружающего мира, вселенная с галактиками – это все масштабная сфера некропены в ее разнообразных формах. Перетекающая и меняющая свое обличие, но некропена. Мертвый продукт. Бесполезная и направленная в никуда зомбиматерия. Непонятно только одно – как Истина могла ошибиться, ведь у нее не должно быть шансов на ошибку. Ни одного.

– Вань...я думаю, что какое-то есть переплетение мира пены и некропены. Полагаю, что существующие у нас боги – есть пузырьки пены. Никто из нас их не видел, не ощущал, но они в виде веры присутствуют среди нас. Может Христосы разные да Магомеды с Буддой – это элементы пены? Идеальные. Несущие смысловую нагрузку. Они созданы Истиной. Они живут и процветают в своей пене, идеально сформированной, а мы их случайно узрели и поверили в них, наделили их своими качествами. Кто-то их увидел и обожествил, написали Библию да Коран. Они может и не ведают, что являются божествами в некропене. Скорее это так. Истина не допустит, чтобы ее доброе племя планомерно снизошло до бесцельной и удушающей некры.

– Борис, ты вспомни, сколько род человеческий наплодил божков. Неужели они все пузырьки пены? Какие-нибудь Один с Зевсом тоже пена? Нет. Ерунда это все. Выдумка. Все эти людские божества – фантазии пузырьков некропены, случайные названия. Просто слова, никаким образом не связанные с реальным миром пены. Мы, некропена, сами по

себе, а они, неведомые элементы пены, сами. И нет никакого Христа в пене. И он не пришел в мир грешный некропены из высоких инстанций пены. Истина, кстати, родив некру, может уже и забыла про ее существование. Как страшный сон. И не ведает, что подобное есть. У нее свои планы. Что ей до нас. И самое главное... Борь, я думаю, что нам никогда не постичь окружающее и никогда мы не сможем прикоснуться к Истине – так и помрем в неведении. Что и понятно. Как могут пузырьки некропены узнать про дела недосыгаемые пены и тем более Истины? Холуи мы, Борька, холуи. И мир наш гадок, и мы падшие никчемные существа. Так и сгинем в пустоте, не поняв ничего. Смириться надо... Доля такая наша.

– Да уж. Невесело как-то. Ванек, а все-таки хотелось бы узнать – для чего Истина создала некропену? Пену – для развития, а некру зачем? Мы же выяснили с тобой, что всему есть смысл и даже нам, отродьям. Интересно, а каков мир пены? Он такой же, как рай, или еще круче, Вань?

– Боря... Боря..нет ни ада и ни рая. Это наши приставки к окончаниям – вот и все. Что и как там – в пене – неизвестно. Не дано. И причина создания нас Истиной тоже нам неподвластна.

– Как-то неуютно мне стало. Противно и мрачно. Обречены мы на вечную тьму, Вань? Не согласен. Если мы есть, то все равно в нас какой-то смысл должен. Для чего мне глаза и руки нужны? Что я должен делать в мире этом? Странная

странность, Вань.

– Я давно тебе говорил, Борь, не дано нам. Или случайно узнаем, хотя вероятность этого чрезвычайно мала. Хватит мучиться. Вылезай из ямы, пойдем со мной на паперть – хочется выпить и закусить. Портвейн, Борь, сглаживает все углы и повороты. Веселит тело. И не забывай – все, что мы тут наговорили, действительно лишь при условии, что разум – есть средство для объективных рассуждений, а не субъективный параметр какого-то там тельца в виде меня и тебя.

Глава 6

Выбравшись из недр земли, друзья побрели к церкви в надежде получить копейку милостыни и на полученные деньги уйти в алконирвану, обессилив от поисков Истины. Двигаясь, каждый думал о своем – Ванька о теории вероятности, а Борька – о вещи в себе.

Прихожане быстро расставались с деньгами, смотря на падших возле церкви. Вид у товарищей был ужасающий. Они как будто побывали там – в страшной правде. Людям казалось, что Борька и Ваня вернулись оттуда, где все ясно и понятно. Они чувствовали, что друзья овладели какими-то знаниями, и что им стало известно такое, от чего кровь в жилах стынет. Поэтому чтобы не услышать из уст нечто разрушающее их мирочек, толпа богомольцев быстренько давала деньги-дань мудрецам-бомжам и бежала в церковь, где можно было спрятаться от внезапных откровений Борьки и Вани. Но товарищи мирно сидели и не собирались ошарашивать окружающую некропену. И что они могли сказать? О том, что все повсюду некроклетки? Пузырькам некры это неинтересно.

Заполучив звонкую монету, друзья привели себя в нетрезвое состояние, напившись благоухающего портвейна. Лежа возле бара, они крутили глазами в надежде увидеть пену, но

перед глазами была только торжествующая некровселенная. Первым заговорил в пьяном угаре Ванька:

– Борь, мне все надоело. Кругом бесцельная пустота. Я не хочу видеть этот мир. Давай уйдем куда-нибудь?

– Ваня... куда? Везде некросрад. Я, Ваанннь, иногда в этом миропозорище вижу улыбающихся людей-пузырьков. Что их заставляет радоваться псевдожизни? Может они по инерции улыбаются? В пене раскрутился маховик счастья, а до некры остатки радости докатились? Так сказать, объедки пира со стола. Меня терзает счастливый вид некоторых людей, Вань. Им действительно радостно? Или... это восторженное опьянение от позора своего существования? Я видел сегодня на улице семью – мать, отец, дети. Они были веселы и беззаботно смеялись. Может это случайность? А...вдруг нет?

– Борь, это все объяснимо. Во мраке лжемира семья – отдушина. Временная. Островок псевдосчастья. Мимолетного, мгновенного. Жалкие попытки преодолеть суть некры. Некропена все равно их сожрет, пропустит через свои жернова. Кладбище их покрывало.

– Ваня, а Тот мог быть хоть как-то счастлив?

– Боря, напоминаю – И Тот, и его возможный Предшественник, и трупы, и люди, и животные с травой, землей – все это некропена. Между травой и Тем разницы нет. Как нет отличия между нами и трупами, между землей и Предшественником. Все едино – мертвая пена, прах. И счастья

тут априори нет. Оно только в пене есть...навверное. Истина так определила. Я тебе больше скажу – я не могу определить, объяснить, что такое счастье. Путаюсь. Я чувствую, что идеал в пене. Счастье это или нет – я не знаю. Там – все, здесь – ничего.

– Так зачем Истина нас, пустую породу создала?

– Опять, Борь, за свое...неведомо нам. Точка.

– Вань, а если здесь, в нашем мирке есть что-то полуидеальное – вот мы и есть, вот и причина нас создания Истиной.

– Надежда – удел мертвых, Борис. Успокойся. Трупы тоже надеются воскреснуть, однако ж, тихонько лежат себе, родимые. Перепрыгнуть в пену невозможно – так глаголит Истина.

– Вань...а Вань..а если в нашем мирке кто-то знает причину нашего существования? Есть ли такой? Вдруг знает Истину и таит ее, боясь раскрыть. Так сказать, случайно узнал, вероятность же ненулевая.

– Исключено. Боря...еще раз повторю – нам и подобным не дано. Я хотел бы узнать, почему появился наш гадостный мир, но...не дано, увы. Я даже не знаю, с какой стороны подступиться к Глобалу. Нет ни подсказок, ни зацепок – это говорит о монолите вопроса. Даже про пену невозможно ничего сказать – скрыта для нас. Уверен, что она наполнена смыслом Истины и имеет причину...и даже цель в отличие от нашего мирка-выкидыша.

– Ваня...давай не будем гноить окончательно некропену

– ведь она создание Истины. Пусть убогое, пусть никчемное, пусть мертвое, пусть ... и если мы есть, то в нас, получается, тоже находится что-то от Истины... пусть неживое и бесполезное.

– Да... Борь.. наверное... не знаю...

Ванька заснул, полный хмеля, а Ефимкин уставился в пространство, лежа на земле рядом с другом. Он смотрел на проходящих людей и думал о причине нахождения их возле себя: “Зачем они здесь? Пришли сюда и ушли. Зачем? Пространство было заполнено ими и потом опустело. Теперь оно без них. Потом снова появятся люди. Зачем пространство? Неужели оно создано для того, чтобы там случайно появились люди? А если в пространстве ничего не будет? Никогда. Зачем оно?” С этими словами Боря тоже уснул. Ему снился Тот, а Ваньке – Предшественник. Боря хватал пространство руками, ища в нем Того, а Ванька пытался выяснить у Предшественника Все.

Под утро друзья, замерзнув и слегка отрезвев, побрели во-свояси в никуда. Они шли по проселочной дороге, по колено в грязи. Серое и грязное небо висело над ними. Обессилив, оба упали на обочину и посмотрели друг на друга... Ванька, взглянув на Борьку, увидел в нем Того, а Борис Ефимкин, обратив внимание на Ваню, узрел в нем Предшественника. Так и сидели они, обреченные, некропленные, а над ними властвовала и смеялась Истина, полная Всего...

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.